

М. ЧУРАКОВ

«НОВАЯ ИСТОРИЯ НЕДЖДА» АМИНА АР-РЕЙХАНИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРАВИИ¹

Этот труд заслуживает внимания этнографов не потому, что автора специально занимали вопросы этнографии, — он не намеревался искать у племен Аравии отличных от других арабов этнических черт, а рассматривал всех их как единую семью народов². Книга Рейхани посвящена политической и военной истории Неджда. Поэтому сведения, представляющие этнографический интерес, приводятся им лишь попутно, без деталей и обобщений. Но, во-первых, Неджд — наименее изученная область Аравии, и поэтому приводимые в книге Рейхани данные особенно ценны. Во-вторых, автор — классик новой арабской литературы, прогрессивный писатель, который путем личных наблюдений, изучения местных хроник, рукописей, опроса авторитетных лиц исследовал описываемые им события.

Необходимо особо отметить отношение Рейхани к религиозным вопросам, многократно затронутым в его труде. Своим первым арабским учителем он считал поэта-философа Абу-л-Аля ал-Маарри³, жившего тысячу лет назад. Выдающийся советский востоковед И. Ю. Крачковский, исследовавший и опубликовавший один из трудов ал-Маарри, впоследствии упоминает этот труд в своей работе, озаглавленной «Грамматический трактат или антирелигиозный памфлет?». Там же автор отмечал, что А. Рейхани «по характеру творчества несколько родствен Абу-л-Аля»⁴. На советское издание Абу-л-Аля А. Рейхани откликнулся проникновенным письмом от «друга ал-Маарри во Фрейке» к «другу ал-Маарри в Ленинграде»⁵.

Характеризуя деятельность А. Рейхани, И. Ю. Крачковский отмечает его выступление «с проповедью свободного развития ...без оков религий...». Он же сообщает о Рейхани: «Маронит (последователь вероучения, близкого к католицизму. — М. Ч.) с Ливана, он рано порвал со своей конфессиональной принадлежностью, чего никогда не могли ему простить клерикальные и консервативные круги на родине»⁶. С другой стороны, А. Рейхани наталкивался на ограничения (в частности, при

¹ Амин ар-Рейхāни, Та'рих Неджд ал-Хадис вamuлхакāтихи, Бейрут, 1928. В 1960 г. исполняется 20 лет со дня смерти Рейхани (род. в 1879, умер в 1940 г.).

² См. предисловие Амина ар-Рейхани к его работе о путешествии по Аравии («Мулюк ал-араб»), опубликованное в хрестоматии «Образцы новоарабской литературы», составленной К. В. Оде-Васильевой, Л., 1928, I, стр. 135.

³ Там же, стр. 127.

⁴ И. Ю. Крачковский, Над арабскими рукописями, М.—Л., 1945, стр. 19—22; см. также, стр. 114.

⁵ И. Ю. Крачковский, Ал-Маарри, ар-Рейхани и Ленинград, Избр. соч., т. III, М.—Л., 1956, стр. 262.

⁶ И. Ю. Крачковский, Арабская литература в XX веке, Избр. соч., т. III, стр. 92, 93; см. также т. I, стр. 46—49 (с портретом А. Рейхани).

поездке по Аравии)⁷, вызванные тем, что он не был мусульман. Все сказанное позволило А. Рейхани объективно описать соответствующие факты, и это облегчает оценку их исторического значения. Очевидно, следует учитывать, что А. Рейхани не был марксистом: в своем историческом исследовании основное внимание уделил не народным массам, а эмиратскому дому Неджда.

В работе Рейхани содержится краткий географический очерк Неджа (стр. 12—22), который, вместе с некоторыми замечаниями в последующем тексте, дает общую характеристику производительных сил оседлых областей страны. Границу ее на юге автор доводит до пустыни Руб-эль-Хали на севере до области Касым включительно, относя ее к «присоединенным областям» (см. стр. 12, прим. 1, и стр. 50). Неджд по-арабски — плоскогорье. Возвышенности его прорезаны ущельями, равнинами, широкими руслами рек, мелководных, разливающихся в половодье и затем исчезающих (вади); степи частью представляют собой, в определенных пределах, обширные пастбища (подобно песчаной пустыне Дахна), а местами лишены трав (как пустыня Саман, к востоку от Дахны); некоторые области обильны садами и источниками (как центр Неджда, со столицей Рийадом), приносят два урожая в год (например, область Вашим, к северо-востоку от Рийада). Цепь гор, начинающаяся на севере у Касыма и тянущаяся до области Афладж на южной границе страны, называлась в древности «ал-‘арид» — преграда, ибо она стоит как страж против пустыни, угрожающих оазисам, приютившимся на склонах гор и стекающих с них потоков. Ныне это название применяется к столбам ее области, а горы стали называться «тувейк» (ворот, ожерелье). Автор приводит стих, приравнивающий Тувейк к поднятым обнаженным скалам (стр. 13).

Характеризуя отдельные области, автор отмечает их основные производительные силы и центры оседлости. В столичной области, Ах-межрядях обширных пальмовых рощ разводят овощи, по соседству возделывают нивы (стр. 16). Расположенная южнее область Хардж наделена лесом в древности Йемама, как и весь Неджд, объединенный тогда под ее властью. Считают, что новое название характеризует хозяйственное значение области⁸. Здесь, сообщает автор, культивировали виноград, финики, инжир, а частью — хлопок и сеяные травы. Еще южнее, в Афладже, отмечается обилие водоемов, культура хлебов. Даже в юго-западной области, Вади Давасир, преимущественно скотоводческой бедуинской, имеется десяток центров оседлости (стр. 14).

Заслуживает внимания кажущееся необычным описание стихийных бедствий, от которых страдал Неджд. «Причина гибели вади, под названием Румма, называемого арабами «Высохшее», и гибели городов Йемама и Манфуха то в бездождье, продолжающемся несколько лет, то в наводнениях колодцев и источников, вызывающих выселение жителей в выпадении ливней, образующих потоки, затопляющие на своем пути все культурные очаги, оставляющие за собой пустыню, разрушающую (стр. 16).

Автор лишь в связи с возникшим между Хиджазом и Недждем спором затрагивает роль торговли, в частности между этими областями, и характеризует попутно место в ней спорного оазиса Хурма, одной из баз караванов купцов Вашма и Касыма (стр. 225). Таким же образом упоминается о касымских купцах, специализировавшихся на экспорте товаров в Сирию и Хиджаз (стр. 124 и прим. 1). Упоминается рийадский

⁷ См. «Образцы новоарабской литературы», I, стр. 132.

⁸ По одной версии, Хардж происходит от слова «махрадж», что значит скупка (экспорт хлеба в Мекку), по другой — от названий распространенных здесь в древние годы подземных каналов (ср. H. St.-J. B. Philby, *The Heart of Arabia*, I, 1922, т. II, стр. 21).

пец, специализировавшийся на торговле крупным рогатым скотом (стр. 110)⁹. Таким образом, мы лишь косвенно можем заключить и о развитии животноводства в Неджде.

Особый этнографический интерес представляет раздел книги, посвященный так называемому ваххабитскому религиозному движению и идеологии его Мухаммеду ибн Абд ал-Ваххабу. Ваххабиты считали, что до них арабы жили «погрязшими в культах, проникших к ним из Неджефа¹⁰, Ахваза или других городов Персии. Не перевелись еще остатки карматских¹¹ вольностей в Хасе. Гробницам приписывалось самое высшее покровительство, и оно занимало главное место в поклонении и молитвах людей... Люди не только обращались с молитвой к этим гробницам, но умножили число надгробных куполов [куббы] и стали выказывать камням великое почитание. Они поклонялись даже деревьям и вешали на их ветви лоскутки, давали перед ними обеты...» (стр. 25).

Известны другие факты, позволяющие считать, что и «карматские вольности», и поклонение могилам и деревьям были связаны с пережитками доисламских культов, особенно среди бедуинов¹². Но вместе с тем приводимые автором факты дают основание видеть здесь не возврат к доисламским верованиям, а переплетение последних с исламом: в почитавшихся в Неджде гробницах, по сообщению автора, были погребены сподвижники пророка Мухаммеда (ас-сахаба), почитаемые деревья тоже находились по соседству от таких гробниц. Таким образом, сущность нарушений предписаний ислама в Неджде сводилась к предпочтению местных святых общемусульманской, к известному противопоставлению деятелей раннего ислама позднейшим халифам и ортодоксальному духовенству (улемам) развитого феодального государства, в частности Османской империи.

Местный источник, цитируемый Рейхани, особенно ставит в вину недждцам доваххабитского периода именно пренебрежение к чтению корана, к хаджу и т. д., вплоть до того что «они даже не знали местоположения Каабы» (стр. 26). Забвение того, в какой стороне находится Кааба, предполагает неведение местонахождения «кыблы», к которой правоверные должны обращаться во время молитвы, а это значит, что они не принадлежат уже к «людям кыблы», как называют себя мусульмане.

Единственное духовенство, о котором мы узнаем от автора, это — мусульманские улемы оазисов, выполнявшие там и роль судей. В среде кочевых племен духовенство вовсе не встречалось. Упоминаемые улемы оазисов Неджда принадлежали к одному из ортодоксальных толков ислама — ханбализму¹³. Среди них выдающееся место занимали дед, отец и брат основателя ваххабизма (стр. 26, 32). Если учесть имеющиеся сведения о их зажиточности, то создается впечатление, что роль ханбалитских улемов была значительной. Тем не менее, как это видно из

⁹ Вовсе не упоминается о связях Неджда с Ираком, где бедуины севера в обмен на продукты животноводства (редко на деньги) приобретали оружие, упряжь, зерно, европейскую мануфактуру (ср. О. П. Щербатова, *Верхом на родине бедуинов*, СПб., 1903, стр. 40, а также Ch. Huber, *Journal d'un voyage en Arabie*, 1883—1884, Paris, 1891, стр. 685 сл.).

¹⁰ Центр шиизма в Ираке.

¹¹ Много мусульман секты карматов вело в X—XI вв. жестокую борьбу против усилившейся в халифате феодальной эксплуатации.

¹² Помимо многократного утверждения А. Рейхани, и европейские арабисты отмечают безразличие бедуинов к религии (ср. Ch. Huber, *Указ. раб.*, стр. 197). Сообщается также о примитивных немусульманских свадебных обрядах в конце XIX в. у недждского племени мурра, упоминаемого Рейхани (ср. H. St.-J. B. Philby, *Указ. раб.*, т. II, стр. 220). Известно поклонение арабов дереву (богине ал-Узза), могилам предков и т. д. до ислама (ср. Maçoudi, *Les prairies d'or* (арабский текст и французский перевод), Paris, 1861—1877, т. I, стр. 131; т. III, стр. 14, 256).

¹³ На стр. 32 Рейхани, говоря о противниках ваххабитов, упоминает улемов суннитов и шиитов; последние, очевидно, играли ведущую роль в Хасе.

сообщений Рейхани, даже в оазисах улемы не рисковали ринуться в против упомянутых религиозных «искривлений».

В противоположность другим ханбалитам ваххабиты поставили дом с основателем толка Ахмедом ибн Ханбалом наиболее воинственно интерпретатора последнего, ибн Теймийю, и признали его своим прешественником. Последнего особенно отличали резкие суждения по религиозным и политическим вопросам, стоившие ему при жизни многократных преследований со стороны благочестивых коллег и султанов, к которым он адресовал свои послания. Только после его смерти в тюрьме в условиях строгого заточения (1328 г.), ибн Теймийю перестали считать как еретика¹⁴. Среди многочисленных высказываний Теймийи и суждений о нем автор приводит следующую оценку основателя ваххабизма: «Я не знал никого, кто мог бы, после Ахмеда Ханбалы, соперничать с ибн Теймийей в науке о преданиях и толкованиях» (стр. 38).

Не случайно ваххабизм вошел в историю как особое религиозное движение. В отличие от своих предшественников ибн Абд ал-Ваххаб обращался к широким массам, не только проповедуя, но и организуя их на борьбу за свое учение. Стремясь подчеркнуть свою ортодоксальность, его последователи называли себя «людьми тавхида» (единобожия). И наоборот, их противники названием «ваххабиты» подкивали отход последних от ортодоксального ислама.

Вначале Мухаммед ибн Абд ал-Ваххаб учился у своего отца, ханлитского улема селения Хуреймилы, расположенного неподалеку Рийада. Затем он долго путешествовал по соседним мусульманским странам, совершенствуясь в теологии. В Басре он получил первый удар от местных властей, преследовавших его за непримиримость, после чего вернулся в Хуреймилу. Здесь он выступил против «группы развратных многочисленных пороков беспутства», к которым его отец, очевидно, носился примиренчески. Сущность этих «пороков» А. Рейхани не раскрывает. Но видно, что борьба со «сторонниками пороков» была нелегкой и не без основания отец Мухаммеда избегал конфликта, — проповедническое пришлось вскоре бежать из Хуреймилы.

Тем не менее первые выступления Мухаммеда не остались безрезультатными. Под их влиянием в соседнем селении Уйайне, где он поселился после бегства, вокруг него собралось уже немало приверженцев оказывавших влияние на всю область Арид. Мухаммед получил здесь широкую известность, и сам эмир Уйайны Осман ибн Муаммер стал его сподвижником. Мухаммеда ибн Абд ал-Ваххаба именовали теперь не иначе, как шейхом.

С помощью Османа шейх перешел к активной борьбе. О первом ходе его против «суеверий» автор рассказывает: «Эмир и шейх с толпой соратников двинулись в Джубейлу (около 25 миль к северо-западу от Рийада. — М. Ч.) и разорили куббы гробниц местных святых. Затем шейх, вооружившись топором, обрушил удары его на дерево, которое было прославлено в вади Ханифа своими чудесами. Это дерево, „заступником“ девушки, добывающейся любви, вдовы, сердце которой было разбито, беременной жены, помогающей [рождению] возлюбленного сына. Застонало дивное дерево и упало на землю страшный удар [от падения его] отозвался эхом в ущельях вади, в горах Судейр» (стр. 28). Иного резонанса и тем более какого-либо сопротивления эти действия не вызвали, и примеру Уйайны вскоре последовали приверженцы шейха в других местах.

¹⁴ Считают, что ибн Теймийа написал до 500 трудов, среди них есть переведенные на европейские языки (см., в частности, «Le traité du droit public d'Ibn Taimiyah» в переводе Н. Laoust, Beyrouth, 1948).

Следующий поход шейха был направлен уже непосредственно против самих «отступников». В книге описывается, как по приказу шейха была побита камнями женщина, обвиненная в прелюбодеянии: «Привели обвиняемую на площадь, привязали на ней одежду ее и забросали камнями; эмир первый кинул в нее камнем...» (стр. 29)¹⁵. Последствия этого похода были более эффективными: одних он подбодрил на поддержку ваххабитского религиозного движения — «тавхида», других восстановил против него. Последних было особенно много в Хасе, где, как считают, «карматские вольности» были особенно живучи. В то время правитель Хасы Сулейман, вождь племени бану халед¹⁶, считался верховным владыкой Уйайны. Он распорядился, чтобы эмир Осман, считавшийся его представителем («амилем»), добился от шейха отказа от своих заблуждений, «разбивающих сердца мусульман и разлагающих их веру». В случае неподчинения этому распоряжению вождя шейху угрожала смерть. В результате шейх еще раз вынужден был оставить насиженное место и переселился в соседний оазис Дарийа. Эмир этого города, чувствуя себя независимым и сильным и будучи достаточно честолюбивым, несмотря на опасность столкновения с грозным противником взял шейха под защиту.

Эмиром Дарийи был Мухаммед из рода ибн Сауд. Два брата его еще раньше стали приверженцами шейха. Эмир Мухаммед не захотел удовлетвориться пассивной ролью, подобной той, которую играл эмир Осман. В 1747 г. он заключил с шейхом союз, в котором объединилось влияние религиозного реформатора с властью эмира — «союз мазхаба (религиозного толка.— М. Ч.) и меча»: «ибн Сауд взял на себя распространение по Аравии единобожия, а ибн Абд ал-Ваххаб согласился пребывать учителем в Дарийе и не вступать в союз ни с каким другим арабским эмиром» (стр. 30)¹⁷. Оценивая далее реализацию союза, Рейхани пишет: «шейх Мухаммед не вмешивался в гражданские дела королевства, но эмир Мухаммед и его сын Абд ал-Азиз советовались с ним по вопросам шариата, за ним оставалось первое слово в утверждении духовного руководства» (стр. 32).

Наконец, Рейхани дает следующую оценку достоинств шейха как проповедника, которые заключались «в глубоком убеждении его, неприимости и нелицеприятии...» (стр. 38). Эти достоинства дали ему возможность остановить разложение ханбализма (стр. 39).

Для характеристики идеологии тавхида в книге приводятся многочисленные изречения, выдержки из трактатов, сборников посланий ибн Теймийи и шейха, сравнения их с сурами корана и т. д.¹⁸ Заключая рассмотрение высказываний по поводу почитания могил, автор разъясняет: «В ваххабитском, ханбалитском толке нет ни запрета мусульманину совершать хаджж к могиле пророка, ни обязанности разорить ее. Но ваххабиты, ханбалиты отличаются от других мусульман тем, что они посещают могилы [только] для приветствия...». И далее приводятся слова ибн Теймийи, направленные к объединению всех мусульман в общем их обращении с молитвой исключительно к кыбле: «Нет в ми-

¹⁵ В примечании Рейхани сообщает, что жертва была трижды предупреждена, кааясь, но продолжала грешить. Факт преступления был, дескать, установлен показаниями четырех очевидцев и подтвержден личным признанием виновной (стр. 29). Поскольку в языке сохранился специальный термин (раджама) для акта «побития камнями», который автор здесь и применяет в разных формах, допустимо считать, что в этом не было ничего необычного.

¹⁶ А. Рейхани дает ему два титула: «Эмир Сулейман әл Мухаммед, ра'ис [глава] бану халед».

¹⁷ Осман пытался потом вернуть шейха в Уйайну, но безуспешно.

¹⁸ Автор не останавливается особо на аскетических традициях ваххабизма (обязательная простота одевания и т. д.); они, очевидно, уже не играли в его время большой роли и в процессе развития феодального государства были выхолащены.

ре камня [минерала], достойного целования, кроме черного камня [Каабы]» (стр. 44, прим. 1).

Наряду с этим, выдвигаемым на первый план, отличием тавхида тор приводит и другие положения, свидетельствующие о не меньшей отличии тактики ваххабитов. В ряде вариантов повторяется изречение шейха: «все молитвы — к аллаху; кто тратит сколько-нибудь [из] на другого — неверный» (стр. 24, см. также стр. 39). На основании указанных положений «последователи ибн Абд ал-Ваххаба называли себя мусульманами, а противников своих — язычниками» (стр. 33). По видимости отвлеченное, положение служило фундаментом, обуславливающим специфику отношений ваххабитов к другим мусульманам, ложенную в «союзе меча и мазхаба», определившем воинственность действенность движения. Отношение тавхида к «язычнику» исключало примиренчество: «... пусть покается, или [будет] казнен» (стр. 41, 45 и др.).

В новой резиденции шейха, Дарийе, было широко организовано обучение тавхиду. Городская касса выдавала всем слушателям по натурой, а наиболее способным — награду деньгами и платьем (стр. 31). В ближние и дальние страны из этого центра рассылала проповедники, эмиссары, разносились обращения шейха к вождям эмирам. В Дарийю вызывались вожди и эмиры, чтобы убеждать их соединиться с тавхидом (стр. 30—31, 34).

Сообщения Рейхани о всех последующих событиях дают основание считать, что со времени заключения «союза меча и мазхаба» тавхид распространился весьма быстро среди масс, тяготевших к объединению под общим законом, общим знаменем, готовых бороться за это. Еще в жизни шейха тавхид распространился почти по всему Неджду. Но один эмир, вождь не подчинился добровольно руководству движения. Эмиры почти всех областей центральной Аравии характеризуются в этом как активные противники шейха. Они угрожают ему, называют его хариджитом¹⁹, а себя ортодоксальными мусульманами (стр. 3).

Шейх умер в 1792 г., когда, обеспокоенный успехами тавхида, против него выступил глава священных мусульманских городов шериф Мекки²⁰. В это время обнаружилась непрочность успехов тавхида, достигнутых при помощи меча саудидов, — началась «ридда»²¹, повальное отступничество эмиров от тавхида.

Уже приведенные упоминания центров Неджда и связанных с ним исторических фактов создают определенное представление о дальнейшей ведущей роли оазисов в борьбе за переход от полупатриархальной структуры Неджда к законченному феодальному государству. Особенно относится к области Арид. Среди центров его: Джубейла — родина «пророка» Мусейлимы, современника Мухаммеда; Абу Кебаш — колыбель рода Сауд; Уйайна — центр эмирата, границы которого со временем распада карматов и до проникновения турок доходили до Хиджаза (стр. 16, 20); Дарийя и Рийад, к которым мы еще вернемся. Такое

¹⁹ Хариджит — последователь воинственной мусульманской «ереси», возникшая в шестидесятых годах VII в. Термин «хариджит» употребляется как синоним «еретик», подчеркивая в то же время глубокую ненависть ортодоксальных мусульман к тавхиду. Последователей тавхида называли хариджитами и в официальной турецкой переписке в связи с острой борьбой Неджда против Османской империи (ср. «Revue des firmans imperiaux ottomans...», Caïre, 1934, № 150, 152, 169 сл.).

²⁰ Шерифы Мекки, наряду с турецким султаном — халифом правоверных, считались наиболее авторитетными представителями ортодоксального ислама. Поскольку они принадлежали к числу наиболее опасных противников тавхида. Еще в последние годы движения ваххабитов (1748—1749) шерифы, в согласии с султаном, запрещали ваххабитам как «неверным» появляться в Мекке и Медине.

²¹ Так называют массовое отступничество от ислама (и отказ от взноса причитающегося с мусульман сбора — садака) племен Аравии после смерти пророка Мухаммеда в 632 г.

впечатление оставляют, например, приводимые автором даты основания некоторых центров оседлости в других областях. Это памятники средневекового процветания, побед над суровой природой, прогресса общества. Так, в области Судейр, севернее Арида, автор указывает три центра, заложенных в 1300—1418 гг. (стр. 17—18)²².

Своеобразный пример развития политического и экономического центра дан в следующих описаниях, относящихся уже к периоду ваххабизма: «Дарийя была тогда маленьким поселением, с небольшими средствами существования и ресурсами. И когда возросла численность людей, прибывших к шейху, нехватка средств стала ощутимой и эти люди стали ночью заниматься ремеслами, а днем учиться». В результате Дарийя превратилась в «самый большой город Аравии, в котором жили арабы из Омана, Хиджаза, Ирака и Сирии» (стр. 31). Увидевший город во времена Сауда ибн Абд ал-Азиза²³ летописец Неджда, ибн Бешр, был поражен: «Глядел я на его ярмарку, находясь на возвышенности, расположенной в районе, известном под названием ал-Батин, между западным кварталом его, принадлежавшим дому Сауд и называемым ат-Тариф, и восточным кварталом, известным как ал-Баджири, в которых размещались сыновья шейха. И увидел я с одной стороны мужской рынок, а с другой — женский²⁴. И сколько в них золота, серебра, оружия, верблюдов, овец!.. Не слышно ничего, кроме голосов, подобных гудению пчел. А лавки с восточной и западной стороны — с платьем, тканями, разным оружием и одеждой, не поддающимися описанию!..» (стр. 31). Приведенные здесь детали говорят о классовом характере развития Дарийи. Этот город оставался столицей ваххабитов до начала XIX в., когда он был разрушен по приказу Порты армией египетского паши (стр. 32).

Таким образом, шейх, а после него саудиды лишь продолжали веками длившуюся борьбу за создание и развитие оседлых районов, за превращение их в политические центры всей страны, за подчинение соседних разрозненных феодальных эмиратов, за распространение своей власти на соседние племена. В ваххабизме, в тавхиде, эта назревшая тогда тенденция нашла свою идеологию, надстройку, призванную содействовать укреплению нового и ликвидации старого базиса. Рейхани так и характеризует войны Сауда: его «тавхид²⁵ был единобожием и единением арабской власти» (стр. 55). С одной стороны, шейх рвал племенные связи, опираясь на стих корана о том, что «кто покорен пророку и единому аллаху не нуждается в родне, враждебной аллаху и его посланнику, будь она самой близкой...» (стр. 36); с другой — «он вдохнул в них [последователей] великий дух народности [национальности], тот дух народности, который сделал их действенными...» (стр. 39).

Следующий раздел книги посвящен борьбе саудилов до XX в. за осуществление политических планов тавхида²⁶. Он начинается краткой характеристикой феодально-патриархальных распрей: «Эмиры, шейхи племен, каждый в своем районе, племени, правили независимо

²² См. подобные же данные в указ. работе Ch. Huber, стр. 164, о Бурейде, а также Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 71, 112, 366 и др., в частности о соперничестве между Рийадом и Манфухой, которая раньше господствовала в этом районе.

²³ Правил в 1788—1813 гг. См. таблицу эмиров-саудилов на стр. 48 и родословную их на стр. 91 книги Рейхани.

²⁴ В прим. 1 к стр. 31 автор сообщает, что в его время женщинам в Неджде отводились особые рынки. О двух рынках в Рийаде сообщает также Philby (Указ. раб., т. I, стр. 72).

²⁵ Без прибавления слова «дин» (вера, религия) «тавхид» значит единение, объединение.

²⁶ В этом разделе на первый план выступает уже не шейх, а саудиды, хотя роль первого среди них еще значительна: «Он успокаивает при поражениях, воодушевляет на новые бои...» (стр. 53).

от других, чаще всего враждебные им...». Упомянув о частых войнах автор особо отмечает: «Убийство было, в основном, ближайшим и наименее опасным путем к власти и господству...» (стр. 50). Вместе с тем Рейни подчеркивает незначительность числа жертв в межплеменных столкновениях и даже в первых походах саудидов (стр. 50—53). Этот вывод иллюстрируется курьезной, но весьма характерной цитатой из «Истории» ибн Бешра: «Мусульмане и их эмир Абд ал-Азиз отправились в Рияд, и произошла великая битва с его населением; она называется сражением Умм ал-Асафир. Убито было в нем четверо из числа заблуждавшихся, а из мусульман был убит один человек» (стр. 53).

Конкретно картина этих распрей в центре возникновения ваххабизма представляется в следующем виде. Задолго до ваххабизма один эмиров рода Сауд основал Дарийю и в течение ряда лет распространял свою власть до побережья Персидского залива. Его потомок в том поколении, упомянутый выше Мухаммед, союзник шейха, господствовал уже только в Дарийе, хотя еще претендовал на какой-то сюзеренитет в отношении соседних оазисов Рийад и Уйайна (стр. 51). В то же время эмир последнего оазиса, как мы видели, считался представителем эмира Хасы. А эмиром Рийада был в это время Даввас, бывший слуга (придворный) прежнего эмира, в свою очередь узурпировавший власть и убившего своего предшественника. Причем «его [Давваса] правление длилось тридцать лет в условиях религиозных войн, потрясений» (стр. 33). Очевидно, для усиления распрей саудиды и Дарийи порой оказывали Даввасу поддержку. Так болезненно назревшие политические предпосылки объединения Аравии.

Наряду с ведшейся шейхом пропагандой словом, эмир Мухаммед с первого же года их союза стал помогать ему мечом. Около четверти века шла война с Даввасом, который в 1773 г. вынужден был, наконец, оставить Рийад сыну Мухаммеда, эмиру Абд ал-Азизу I (стр. 33—34, 51). Эмир Хасы, Урейр, преемник упомянутого Сулеймана, противопоставил тавхиду военную технику: перевез через пустыню на верблюда пушки для осады Дарийи, пытался, но неудачно, на месте отлить большую пушку. Он даже построил для атак городских стен деревянные «черепашки», в которых помещались защищенные от пуль противники, по десять-двенадцать воинов. Сын его, тоже снабженный пушками, пытался ударить на саудидов из Йемамы. Но они оба были разбиты и отступили, бросив свою технику (стр. 34—35).

Свыше полувека правили, не выпуская меча, Абд ал-Азиз I и его сын Сауд. О первом автор пишет: «Он носился из конца в конец страны..., подобный дождю для последователей тавхида и самуму — для противников... Возвращался с добычей в Дарийю и делил ее равномерно между своими людьми...» (стр. 55). Большую добычу саудиды взяли при преследовании Урейра с сыном в Хасе, а особенно при нападении на богатейшие шиитские города Неджеф и Кербела в Иране (1800 г.).

При Сауде силы тавхида покорили Хиджаз. Оттуда были изгнаны все турки. Последние в ответ на это усилили атаки на Аравию при помощи армий своих пашей из Дамаска, Багдада (стр. 58—59) и, наконец, из Египта. В отличие от полупатриархальных методов неджидцев, вторгшиеся чужеземцы направляли войну на разорение культурных центров страны, на истощение ее жизненных сил. Изменилась военная тактика, обострилась борьба, людские жертвы уже насчитывались тысячами (стр. 60—63, 68—70, 73—76). Кроме того, вторгшиеся войска разожгли распри местных феодальных групп, подкупили, втянули в войну не только города, но и племена. Часть местной верхушки, жадная до власти и богатств, охотно стала агентурой турок, чтобы с их помощью раздавить своих соперников (стр. 77, 83), а заодно и подавить сопротивление масс. Саудиды развязали братоубийственные войны за

власть между двумя ветвями правнуков Мухаммеда — сыновьями упомянутого Сауда, с одной стороны, и Фейсалом, родоначальником современной младшей линии саудидов, — с другой (стр. 78 и сл., 84, 86 и др.).

Стратегию и тактику этого времени иллюстрирует следующая любопытная оценка одного эпизода Абд ал-Азизом II: «По трем причинам не упрочилась власть Абдаллаха (претендент из соперничавших саудидов. — М. Ч.): 1) присутствие в Хардже сыновей брата его, поднявших племена против него; 2) поддержка им бывших эмиров Касыма... против правивших там в те годы эмиров из дома Маханна²⁷, что было ошибкой Абдаллаха, так как солидарность со свергнутой династией в момент слабости ее не является мудростью, а этим он подорвал свое значение в Касыме; 3) выступление Мухаммеда ибн Рашида, жаждавшего власти над Недждом...» (стр. 86). Род этого ибн Рашида (рашидиды), вовлеченный в усобицы саудидов одной из сторон, стал опаснейшим противником их всех, завоевал в 1882 г. Неджд и до начала XX в. устранил род Сауда с политической арены (стр. 80, 87—90).

Отмечая отрицательную роль феодальных распри, следует подчеркнуть одну сторону, выгодно отличавшую почти всех саудидов от рашидидов и других представителей местных верхов. Это — неизменное сопротивление поползновениям турок в Неджде. Ряд свидетельств Рейхани показывает, что часто именно на этой почве складывалось успешное объединение саудидов с племенами (стр. 133—134). Очевидно, этому способствовала политика экспроприации турками лучших земель, соседних с Недждом²⁸. Автор не останавливается ни на этом вопросе, ни вообще на земельной собственности и эволюции ее под влиянием турок. Лишь в иной связи он приводит соображения саудидов: «Бедуины потому бедуины, что они не являются собственниками какой-либо земли и не живут в постоянных жилищах. Стало быть, предоставим им землю, поможем построить дома, переведем их из пустыни в город, привяжем их к земле, закуем их цепью собственности и используем их. А согрешат — сможем покарать их» (стр. 234).

Косвенно подтверждается, что, как правило, оседлое население Неджда владело землей на правах частной собственности. Так, в книге встречаются упоминания о феодальном замлевлании в оазисах Хурма и Тураба (стр. 225), в городе Бурейда (стр. 86, 141)²⁹. Несколько иначе обстояло дело с землевланием у кочевников. Хорошо известно, что племена Неджда владели на правах коллективной собственности определенными пастбищами, водоемами. Эти владения образовывали «диру» племени. О них напоминают, например, долины, которым присвоены имена племен (вади Субай, вади Давасир), и другая топонимика. Об этом, не вдаваясь в детали, сообщает нам автор (стр. 201). Встречаются указания об обозначении границ диры племенным знаком — тамгой (васм)³⁰.

Приводимые автором данные не позволяют судить о складывавшихся и сложившихся формах эксплуатации. В упомянутых оазисах Хурма и

²⁷ Подробности этой борьбы двух знатных родов Касыма см. на стр. 86—87 книги Рейхани.

²⁸ См. Александр А да м о в, Ирак арабский, СПб., 1912, стр. 47; H. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 21.

²⁹ Некоторые упоминания о феодальном землевлании, главным образом в оазисах, имеются у Philby (Указ. раб., т. I, стр. 76, 114, 171; т. II, стр. 172).

³⁰ Ср. там же, т. II, стр. 105, 240—241, 281, 287—288, 349, 353, 367 и др.; Ch. Huebner, Указ. раб., стр. 714—727. А. Рейхани, к сожалению, не останавливается на известной в Неджде форме заповедных племенных пастбищ и водоемов «хима» и на эволюции ее. В доисламские времена хима находилась в особом распоряжении племенных родов. Со времен халифата часть земель Дарийи в качестве владений хима перешла в распоряжение халифа. У саудидов владение хима стало уже пастбищем, находившимся в пользовании эмира (см. «Encyclopédie de l'Islam», s. v. «Negd»; H. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 334; т. II, стр. 258, 292).

Тураба Рейхани насчитывает три группы населения: негры — ('убейд) и вольноотпущенники, составлявшие в Хурме две трети населения, осевшие здесь арабы кочевого племени субай и шерифская землевладельческая аристократия (стр. 225). Наличие значительного числа негров известно и в других оазисах; были среди них как местные уроженцы, так и лично плененные, вывезенные из Африки. Негры, в основном хотя их и называли рабами, — работали на условиях издольщины у собственников садов и полей, аристократии оседлых и кочевых племен³¹, что позволяет говорить о господстве феодальных отношений, переплетающихся как с патриархальными, так и с рабовладельческими элементами. Автор сообщает пример уялирования эксплуатации патриархальными режитками: «в некоторых районах Аравии, как, например, в Нед и Хиджазе, слуга (хадим) зовет своего господина дядей» (стр. прим. 1)³².

О налогах автор упоминает лишь как о военной контрибуции, введённой на ваххабитов их противниками при завоевании оазисов джда (стр. 106)³³.

В описании строя оседлых племен — кроме упомянутого наименования господина дядей — патриархальные черты не очень выступают. В основном управляют наследственные эмиры. Подчиняющиеся им правители отдельных оазисов, районы тоже называются эмирами. Во вновь завоеванных районах эмир саудидов назначает своих сыновей или представителей местной знати, зачастую по несколько раз поднимающих мятеж против саудидов (стр. 52—53, 117, 143, 174). Родовитость эмиров и других представителей аристократии подтверждается указанием на происхождение от знатного родоначальника, что неизменно выражается термином «ал» с именем последнего, поставленным в конце имени родовитых эмиров. В этом отличие «ал» от термина «а'ила», употребляемого в значении «семья» (стр. 86, 108, 205), и от термина «фахз» — обычный родовой клан. Например, саудида после перехода власти к эмиру Файсу представителю их младшей ветви (правил до 1865 г.), стали именовать ал Файсал ал Сауд. Говоря о родословной рашидидов, автор рисует ее в следующем виде: династия называется «дом ар-Рашида из племени шаммар», «крупнейшего клана его абдих», знатного рода (и ветвей) «ал Джафар, ал Халил, ал Рашид» (стр. 267); таким образом, применительно к династии «ал» означает «ветвь»³⁴.

В оазисах, наряду с эмирами, фигурирует родовитая знать, именуемая «за'ймы» (вожди, предводители). Она то соперничает с эмирами, разжигает кровавые распри (стр. 86—87, 138—143, 149, 156—159, 163, 268—273), то составляет их основную опору (стр. 143). Наряду с постоянными упоминаниями о знати, раздирающей страну распрями, имеется упоминание об одном знатном роде, много сделавшем для заселения и обработки принадлежащих ему земель (стр. 86).

Очевидно, и тогда, когда автор говорит просто о населении (ахд) участвующем в обсуждении дел, он имеет в виду верхушку, включающую знать и связанных с ней купцов, улемов³⁵. Однако, особенно в тех

³¹ Ср. Н. St.-J. В. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 98, 103, 189, 203, 344—345. В 1939 г. правительство Саудии опровергло сообщения о наличии в стране семидесяти тысяч рабов, но признало существование половины этого числа и утверждало, что численность рабов быстро падает (см. «Oriente Moderno», т. XIX, Roma, 1939, стр. 386).

³² Philby (Указ. раб., т. I, стр. 342—343) сообщает, что землевладелец не имел права подбирать колосья, упавшие на его поле во время жатвы; их собирали бедные женщины.

³³ Другие авторы упоминают о регулярных налогах в XIX в., а особенно во владениях Абд ал-Азиза II в начале XX в. (ср. Ch. Huber, Указ. раб., стр. 685; Н. St.-J. В. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 30 и 293).

³⁴ См. об этом: J. Lecerif, Note sur la famille dans le monde arabe et islamique, «Arabica», т. III, 1956, стр. 31 сл.

³⁵ На стр. 17, например, автор говорит о «знати людей Судейра» ('айн а-Судейра).

желые годы, за этим и другими терминами обнаруживается роль народа. Так, автор приводит выдержку из «Истории» упомянутого ибн Бешра о сопротивлении вторгшимся туркам: «Люди уходили из своих домов куда глаза глядят, в пустыни...» (стр. 77). Далее Рейхани сообщает, что в ответ на развязанные вторжением распри клик и голод народ восстает (стр. 81—82) и против рашидидов, захвативших господство над частью Неджда (стр. 89), и против саудидов: «В это время восстало население Рийада против него [Сауда] и изгнало его из города...» (стр. 85). А когда распри и голод вызвали угрозу распространения холеры, «надоело населению Неджда это положение... и оно возвысило свой голос, ропща и жалуюсь...» (стр. 128). Автор говорит здесь только о ропоте, но в другом месте он указывает, что саудидам приходилось считаться с голосом народа (стр. 202).

Термины, применяемые автором для обозначения строя племен, отражают разложение последнего. Очевидно, в связи с этим автор не пытается уточнить их. В значении «племя» иногда как синонима употребляются два термина — *қабила* и *‘ашйра*. Порой эти термины употребляются во множественном числе в применении к племени, обозначенному одним именем: то ли речь идет о названии союза племен, то ли о племенах, считающихся связанными происхождением, или о группе их, на деле оторванных уже в основном от остальных родственных племен. При упоминании отдельных подразделений этих групп к ним применяется преимущественно термин «*‘ашйра* (см. стр. 143, 163, 256, 274—275)³⁶.

Вожди племен в книге именуются шейхами, иногда раисами (стр. 50, 82, 85). Часто о вождях племени говорится во множественном числе, например о «раисах аджман» (стр. 108), о «шейхе из шейхов харб» (стр. 71). Это, по-видимому, свидетельствует о том, что каждое подразделение имеет своего шейха. А дальше говорится в единственном числе: «раис племен харб» (стр. 143), из чего можно предположить, что, кроме особых шейхов подразделений, имеется и верховный вождь племени (союза) или части его³⁷.

Совет подразделения, племени, не упоминается. Его, очевидно, заменял совет шейхов подразделений или их частей³⁸. Возможно, однако, что лица, обозначенные терминами *‘айан*, *кибър* (большие люди), тоже входили в «совет»; так, при поражении вождя племени члены «совета» заключили мир с саудидами (стр. 144, 148, 152).

В первой части книги, где описывается внутреннее развитие племен до XX в., не упомянуто ни одного случая распри из-за интересов, касающихся племени в целом. В сообщаемых фактах столкновений групп знати при участии племен последние проявляли почти неизменное постоянство,

³⁶ Старший современник Рейхани, Зейдân пытался дать схему древней племенной структуры, иллюстрируя ее подразделениями и генеалогией курейшитов. Он начинает с низшего звена — патриархальной семьи, *айла* (или *усра*) и перечисляет последовательно следующие звенья: *фасила* («как, например, *ал Абү Тәлеб*, *ал ‘Аббас*») — *фахз* (например: *умейяды*, *хашимиды*) — *бати* (например, потомки *Алд Менафа*, *Махзума*) — *имъара* (например, *курейшиты*, *кинаниты*) — *кабила* (например, *рабииты*, *модариты*) — *ша‘аб* (*аднаниты*, *кахтаниты* (см. Дж. Зейдân, *Тарих ат-тамаддун ал-ислâми*, Каир 1905, ч. IV, стр. 11). У Рейхани было достаточно оснований не связывать себя этой схемой — она не только устарела, но и вообще пригнана к генеалогии определенного племени, как и схемы, построенные европейскими исследователями (см. А. И. Першиц, *Пережитки дуальной организации в родоплеменной структуре арабов*, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 86—87).

³⁷ Очевидно, иногда раис значит «глава» вообще. Рейхани сообщает, что, например, из семи подразделений *мурра*, имевших своих шейхов, один был верховным вождем, которого, впрочем, одно из этих подразделений не признавало (ср. Н. St.-J. B. Philby, *Указ. раб.*, т. II, стр. 217).

³⁸ Например, на юге Неджда независимое подразделение, населявшее оазис, делилось на две части, возглавляемые каждая своим шейхом (Н. St.-J. B. Philby, *Указ. раб.*, т. II, стр. 202).

в отличие от измен и коварства знати. Выделяется лишь один частый измены племенем субаи — в войне между братьями саудидов (стр. 84).

Вторжение армий турецкого султана обостряет с начала XIX положение. «После того как турки и египтяне истощили население своими многочисленными нападениями и расстроили ряды единства и национального и религиозного, вернулось старое состояние племенной розни, вскрылась язва старой вражды к роду Сауд. Поднялось [племя] хахтан, взбунтовалось аджман, восстало аназа, стало неустойчивым: тейр, заколебалось атейба, бушевало бану мурра, расสวิрепело бану: лед. Достаточно [упомануть] братьев и кузенов [по отцу] самого до [Сауд]: оспаривая власть, одни из них восстали против других и исповозвали в своих столкновениях готовность этих племен прибегнуть к нам в поисках средств существования. Поднялись племена, поддерживают одного эмира, сопротивляясь другому — брату того, двоюродному брату добываясь выгод, утоляя жажду мести или стремясь к господству (стр. 83).

Приведенное утверждение не совсем подкрепляется фактами. Наоборот, автор показывает как типичное явление, что бедуины лишь тогда участвуют в набегах, когда это не мешает их основной заботе о своем стаде. В одном случае он сообщает о срыве похода саудидов в связи с сильным зноем и уходом бедуинов в поисках водоемов для своего стада (стр. 169). Другой срыв произошел в противоположной климатической обстановке: «был зимний сезон, и бедуины рассеялись в поисках пастбищ для своего скота. Не было у них иной привязанности к ибн Сауд, кроме любви к стяжательству...» (стр. 109).

Последний вывод Рейхани кажется противоречивым. Сопоставим его в частности, с утверждением самого автора о том, что частый голод и бескормица были толчками для организации набегов (стр. 139). Это противоречие, очевидно, объясняется прежде всего тем, что автор касается племен лишь в связи с событиями, главным центром которых были оседлые районы. Но вместе с тем, видимо, сказывается позиция информатора автора, интересовавшегося распространением единобожия как средства подчинения народа и судивших о бедуинах только как о предрасположенном к красному воинскому материалу, не пригодном, однако, для создания дисциплинированной феодальной армии. Эти заботы нашли выражение в частности, в следующем суждении Рейхани: «Бедуины с древних времен — войны, мятежные, гордые. Религиозное чувство их питается суевериями, а желания их ограничены одним почти пропитанием... Когда они и проявят преданность своей религии, то без постоянства, с поспешностью отступают от нее...» (стр. 232).

За иллюстрациями автор обращается к общей истории Неджда, начиная с возникновения ислама. «Воззвал к ним Мусейлима, и они откликнулись. Затем призвал их шейх Тахер ал-Кармати, и они воевали плечом к плечу с ним... Затем проникли к ним религиозные догмы из Басры и Неджефа... Затем пришел ибн Абд ал-Ваххаб, обучая их таухиду... Но на всех стадиях они остаются бедуинами — присоединяются, отделяются...» (стр. 232—233). И автор приводит любопытные возражения этих бедуинов против догм ислама: «Как совершим омовения, когда мы [с трудом] добываем воду для питья? К чему пост, раз у нас круглый год Рамадан? И к чему молитвы, когда у аллаха не хватит времени выслушать нас?» (стр. 233).

Эта слабая религиозность была сильнейшим препятствием в планах саудидов использовать бедуинов для своих военных целей. Автор сообщает: «Бедуин, имея он против себя целое племя, на смерть будет защищать себя и своего верблюда. Но что касается [использования] его в войске, то это оставалось наибольшей трудностью для Абд ал-Азиза» (стр. 234). Следует напомнить, что для оценки военных качеств бедуинов

нельзя ограничиться этим противопоставлением индивидуального бедуина организованному войску. В другом месте автор подчеркивает выдающуюся роль солидарности соплеменников (племени аджман), готовность их из этого чувства на самопожертвование (стр. 201—207).

Касаясь попыток саудидов разрешить указанную трудность, автор останавливается на военных племенных обычаях подробнее, чем на многих других³⁹. Из этих материалов особый интерес представляет рассказ о наборе людей для набега, которым Абд ал-Азиз II начал отвоевание Неджда у рашидидов. Ядро войска Абд ал-Азиза состояло из «сорока воинов, из семьи ал Сауд и оставшихся у них слуг», вооруженных при содействии шейха соседнего Кувейта. В племени аджман (Хаса), к которому обратился Абд ал-Азиз, вожди уклонились от участия в набеге. «Но многие из массы [народа, 'амма] присоединились к газве (походу.— М. Ч.) ибн Сауда. Подобным же образом [присоединились] мурра, субай, сухул. И окрепла рука Абд ал-Азиза, стало у него вместо сорока верховых верблюдов тысяча верблюдов и четыреста лошадей» (стр. 108). Вероятно, лошади, которые были обычно лишь на вооружении знати, принадлежали племенам, присоединившимся к Абд ал-Азизу вслед за аджманитами, очевидно уже вместе с вождями. Далее автор рассказывает, как это войско нападало на бедуинов же (кахтан и мутейр), подчинившихся рашидидам, и возвратилось с большой добычей в Хасу для снабжения и переформирования.

Как правило, набег племени всегда был рассчитан на внезапность и захват добычи, а не на победу в сражении и на разорение противника. Когда на войну уходило целое подразделение, оно возило с собой семьи и все свое богатство — скот, поклажу (стр. 131). Самому сражению предшествовали длительные церемонии. В одном месте автор сообщает об обычае племен при устройстве лагеря «ставить военные дома». В примечании он разъясняет, что это «дома из шерсти, которые племена строят для демонстрации своего достоинства и защиты их» (там же)⁴⁰. Враждебные стороны, превознося свои силы, громко выкрикивали название своего племени, области, имена прославленных предков и т. п., все это делалось для того, чтобы подбодрить воинов, внести смятение в лагерь противника. Ваххабиты же выкрикивали: «люди тавхида, люди тавхида»⁴¹, или одно из названий их центральной области, Арида. Здесь сказывалось уже преобладание у ваххабитов территориальной и идеологической общности. Кроме того, в рядах ваххабитов, очевидно с целью вызвать бесстрашие воинов перед лицом смерти, военным кличем звучало двустипное: «Благоговею перед шумом ветров в раю! Где ты, о стремящийся к нему!» (стр. 199; см. также прим. 2 и стр. 200).

В связи со сражением между саудидами и рашидидами в 1915 г. автор рассказывает, что шаммары прибегали к любопытному военному обычаю, запрещенному тавхидом. Каждое племя выбирало у себя красивую девушку, называвшуюся «иммари́йа». Она следовала к полю брани на верблюде, в паланкине, с открытым лицом и умашенными волосами,

³⁹ Автор не коснулся обычаев, значительно ограничивавших межплеменные и внутриплеменные столкновения, — таких, как обычай замены кровной мести выкупом (дийа), запрет нападения и преследования в определенных местах (харам) и в определенные периоды, гостеприимство, связанное с защитой преследуемого, обычай кровнительства как чужеземцам; различные союзы между племенами, практиковавшиеся в Неджде, и т. д.

⁴⁰ Автор не вдается в описание палаток. В одном месте он вскользь упоминает о небольшой одинокой шерстяной палатке и о церемонии приема путника (стр. 149). В другом месте говорится об особой большой палатке из ткани, устланной коврами и окуриваемой благовониями; ее установили для Абд ал-Азиза городские власти капитулировавшей перед ним Мекки (стр. 388).

⁴¹ Любопытно, что автором не упоминается общемусульманский боевой клич такбир (ср. Maçoudi, Указ. раб., т. IV, стр. 215, а также стр. 212, 213).

гордо предшествуя своему племени, воодушевляя и возбуждая своих родичей к бою. Бой начинался стычками смельчаков, то нападавших, отступавших для новой неожиданной атаки. Когда пули саудовских ездников ложились перед шаммаритками⁴², последние запевали собственную песню и усиленно призывали сородичей к бою: «Разгори бой, загудели ружья...» (стр. 199). Заклучая описание этого А. Рейхани передает разочарование саудидов своими союзниками-бедами: «...не было в нем победителей, кроме бедуинов обеих сторон: пали, захватили добычу, бежали...» (стр. 200)⁴³. А потери сторон в сражении выразились... в одном человеке — пуля настигла английского капитана Шекспира, сопровождавшего армию саудидов. Даже бескровный характер указанного боя был вызван некоторыми политическими соображениями, он все же отражал черты межплеменных столкновений.

В другом месте автор обобщает эти обычаи племенных войн: «Чаще война у арабов заключается в маневрировании, тактике обхода. Нередко спешат к схватке, в которой люди теряют голову. Наоборот, идут в бой своим путем, с хладнокровием нападают, превозносят свои победы, входя в соприкосновение с неприятелем...» (стр. 117—118). Даже Сауд часто держался в боях старой тактики устрашения противника, не открывая огня по живой силе. Автор описывает, как во время осады крепости в Хасе Сауд приказал каждому воину развести огонь и на утренней заре всем вместе начать пальбу из ружей: «Сотряслась земля, почернели небеса. У многих беременных женщин Хасы случился выкидыш. Это способ войны, способ устрашения — обычный у арабов, особенно у племен Неджда» (стр. 62).

Что касается приверженности и верности бедуинов, то они, как правило, помогали эмирам, с которыми были связаны территориально. Последние нередко привлекали в помощь себе племя, используя его союзничество, традиционную вражду с другим племенем, привлеченным противной стороной (стр. 126, 143, 152—153).

Озабоченный стремлением сломить старые обычаи бедуинов, Абд Азиз начал с того, что делал главную ставку на войско из оседлых. В них автор выделяет по боеспособности жителей столичного района Ар-Радва (стр. 126, 198), приравнивая их к регулярному войску. Число оседлых саудидов обычно вдвое превышало число их у рашидидов (стр. 198). Очевидно, чтобы воспрепятствовать бедуинам «отступать и возвращаться» по своему усмотрению, а также чтобы сберечь живую силу оседлых, Абд ал-Азиз стал располагать оседлых в тылу своих атакующих бедуинов (стр. 157).

Кроме приведенных обычаев, ряд других отношений сохранял близкие массам черты патриархальных пережитков, смягчавших феодальную сущность этих войн. Автор не пишет, как соблюдались известные строгие законы и любопытные интерпретации ибн Теймийи, касающиеся раздачи добычи. Но он приводит отдельные факты, характеризующие разделение добычи между сторонами этого дела. Так, при разгроме рашидидов и турок под Бейей саудидам досталось много продовольствия, скота и сундуки с золотом. Ибн Сауд «разделил [добычу] между своими воинами, не взяв для себя ничего... доля каждого только в золоте и верблюдах колебалась от 10 до 150 турецких лир и от 10 до 20 верблюдов» (стр. 131, см. также стр. 55). С другой стороны, из рассказа о первых набегах Абд ал-Азиза вытекает, что добыча была основой снабжения и формирования армии. По поводу отношения турок к газвам автор сообщает: «Часто ее [Османы]

⁴² Очевидно, каждое подразделение выделяло свою иммарию.

⁴³ Этот мотив, повторяющийся в книге на разные лады, подчеркивается все время. Вместе с тем всегда первой жертвой войны также становятся бедуины (стр. 126, 139, 143, 151, 157).

ской империи] правители в Хасе участвовали в дележе добычи с их [аджманитов] вождями» (стр. 201). Из этого следует, что львиная доля добычи попадала в руки верхов⁴⁴.

На войне ярче обнаруживалась личная роль вождя и связь его с населением (ср. стр. 109—112). Интересно следующее выступление Абд ал-Азиза в критический момент похода: «Я один из вас и такой же, как вы. Вы идете [пешком], и я иду. Вы — босые, и я, клянусь аллахом, не обут...». С этими словами он снял свою обувь, бросил поводья своего верблюда и пошел впереди войска, с энтузиазмом двинувшегося за ним (стр. 130)⁴⁵.

Война резко обнаружила обострение классовой сущности отношений. Об этом говорят, кроме обогащения и усиления власти верхов, растущая жестокость в обращении с побежденными врагами. Рашидиды убивают пленных, не только грабят, но и облагают покоренное население тяжкими поборами (стр. 106). Ибн Сауд предает публичной казни пленных мятежников (стр. 176). Даже участники разведки, широко поставленной у всех эмиров (стр. 116, 220—222), прибегают к убийству встречных, кажущихся подозрительными (стр. 152). Потери в войнах между рашидидами и саудидами достигают сотен и тысяч человек (стр. 126, 128).

Войны, распри становятся важнейшей причиной упадка, разорения, голода. Эти последствия часто упоминаются в книге. «...Кто не умер от меча, умер от голода. Люди поедали трупы ослов, обжигали шкуры верблюдов, мололи их, толкли также кости и питались этим порошком...» (стр. 85). Древняя столица Неджда Йемама ко времени посещения ее автором представляла собой четыре небольших селения с общим числом жителей, не превышавшим двух тысяч человек. То же наблюдалось в ряде других центров, где незадолго до того развернулся мятеж двух родственных саудидам клик, соперничавших с Абд ал-Азизом II (стр. 14, 174 сл.)⁴⁶. Очевидно, подобные распри приводили к запустению оазисов и поглощению их песками пустынь.

В 1912 г. Абд ал-Азиз перешел к систематическим мероприятиям, направленным на перевод бедуинов к оседлости с целью превращения их в регулярное войско. Для них организовывались особые сельскохозяйственные поселения — худжры⁴⁷. Хотя бедуины селились подразделениями, объединенными, по-видимому, племенной общностью, селения получали название по территориальному признаку (стр. 235)⁴⁸. Это были своеобразные станицы, и даже численность их населения определялась числом военнообязанных, колебавшимся от трехсот до двух тысяч человек (стр. 412—414). Военнообязанные должны были всегда быть наготове, вооруженными для войны; но «в мирное время они ничем, кроме молитвы, не занимались» (стр. 236). Очевидно, наиболее проверенные из них (в центре Неджда) получали каждые три месяца денежное вознаграждение. Военнообязанные составляли в станицах треть работоспособного мужского населения. Из остальных мужчин одна треть продолжала пасти оставшиеся у них стада, другая — занималась в станице земледелием, ремеслами, торговлей (стр. 412).

⁴⁴ Это подтверждается и другими источниками (ср. О. П. Щербатова, Указ. раб., стр. 122, 124).

⁴⁵ В Рийаде Абд ал-Азиз построил в дальнейшем новый дворец в двадцать раз больше прежнего, к нему же перешли лучшие финиковые рощи и нивы в окрестностях столицы.

⁴⁶ Ср. также Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 29, 76.

⁴⁷ По данным автора получается, что во время посещения им Аравии там было 84 худжры (стр. 212—214), а в 1938—1939 гг. их насчитывалось уже около 150 (см. «Oriente Moderno», т. XIX, стр. 386).

⁴⁸ Например, Артавийа, числящаяся у Рейхани заселенной племенем мутейр, по другим данным включала также часть племени атейба (см. Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 280).

Оседание, связанное с внеэкономическим принуждением (лишь племен их коллективных пастбищ, обязательная продажа значительной части стада, расчленение племени на три особые группы, подчинение специальным правительственным уполномоченным и т. д.), ускорило сближение среди бедуинов, форсировало вытеснение племенных общин. Все воины-станичники одинаково назывались ихванами (братьями по племени по происхождению; все ихваны носили единый головной убор — белую повязку; бритье головы наголо сменило сохранившийся до XX в. особые прически разных племен⁴⁹.

Конечно, успешность этих мероприятий Абд ал-Азиза была обусловлена их соответствием поступательности исторического процесса разложения единой народности, зрелости этого процесса. Арабская пословица гласит о неизменном притяжении арабских племен Юга северной области великих рек: «Йемен — колыбель, а Ирак — могила арабов». На этом движении арабов с юга на север основанная магистраль Неджд. Генеалогии оседлых центров на этой магистрали отражают исторические наслоения — осколки, оставшихся от миграций племен вытеснения одного племени другим. Под давлением стихийных бедствий или миграций племена уходили, угоняли свой скот. Но осевшая племена, лишенная средств передвижения и кочевого существования была вынуждена оставаться в оазисах. Новые племена, придя в соприкосновение с оазисами, также оставляли здесь при уходе осевшую свою племена, смешавшуюся с аборигенами через более или менее продолжительное время совместного существования.

Автор сообщает об эпизодах таких миграций племен аджман, с давабир и др. (стр. 201, 225—226). Ярким примером может служить племя аназа, от которого ведут свое происхождение саудиды. На плоскогорьях и долины Евфрата, от Афладжа до Касыма, рассеяны селения части селений, знатные роды, сохранившие память о происхождении от этого племени (стр. 14, 414)⁵⁰. Население оазисов, хотя оно сохраняло память об общих генеалогиях, в основном жило соседними общинами. Это было зафиксировано в топонимике⁵¹.

А. Рейхани отмечает и разрыв племенной общности некоторых племен сохранивших свою организацию. Так, он упоминает о «племенах 'уд' на северо-востоке Неджда и разъясняет: «Это название [имя] меняется к смешанному соединению из бедуинов, не связанных родом с каким-либо определенным племенем» (стр. 109, прим. и стр. Саудовская политика перевода племен к оседлости лишь ускоряла процесс, начавшийся за ряд веков до саудидов.

⁴⁹ Например, в конце XIX в. основное население Касыма брило голову, соседние бедуины носили взъерошенную шевелюру, а племена шаммар заплетали волосы в косы (ср. Ch. Huber, Указ. раб., стр. 707).

⁵⁰ Ср. также Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 77, 97, 217, 223, 249, 250. О. П. Щербатова, Указ. раб., стр. 34, 124, 127.

⁵¹ Из названных центров Дарийа значит, видимо, «защищенная», Рийад — «саудиды», Уйайна — «источник» и т. д.